

Важнейшим вопросом внутренней жизни вотчины является вопрос об аппарате принуждения, о вотчинной администрации. Напряженная борьба феодалов со свободным крестьянством придавала особую остроту отношениям вотчинников и их зависимых крестьян. Феодалы нуждались в сильной организации для подавления классового протеста последних. Вопрос о вотчинной администрации имеет два аспекта. Феодал — получатель государственного налога (например, прониар XI—XII вв.) не испытывал острой потребности в создании собственного поместного управления, ибо, не выходя за рамки прежней системы обложения, он не нуждался и в новой организации принуждения. Феодал — собственник земли оказывался в более сложной ситуации. Обращаться за помощью к практорам и судьям ему мешала экскуссия, которую он сам же испросил, «копировать» же государственную администрацию⁴⁴ ему не позволяли специфические трудности, стоящие перед ним в его поместье. Нужно было создать такое управление, которое справлялось бы не только со сбором ренты, но и с организацией собственного хозяйства, а также с расселением новых париков, со снабжением их инвентарем, с семенными ссудами. Наконец, новые виды рент немисливо было взимать старыми методами.

Раньше всего можно проследить возникновение собственного управления на землях крупных властелей — магнатов. Роман Склир использует на своей службе старую чиновничью должность «эпискепити»⁴⁵, поместьями Андроника Дуки управляет «протокуратор»⁴⁶. К концу XII в. на землях магнатов складывается институт управляющих — *ἐπιστάται τῶν κτημάτων*⁴⁷. Напротив, когда дело касается мелкой и средней вотчины, мы не видим этого аппарата. Михаил Пселл просит судью помешать уходу париков из поместья его друга-патрикия⁴⁸: собственными средствами для этого патрикий не располагает. В другом письме Пселл ходатайствует перед судьей Опсикия, чтобы он вступился за владельца имения, Хирсофакта, одного из слуг которого побил сосед-крестьянин⁴⁹.

Гораздо большими возможностями в организации собственного управления располагали монастыри. Хотя и нет оснований вслед за некоторыми исследователями полагать, что крупные церковные собственники этой поры превратились в своего рода князей, располагающих тюрьмами, судебной и исполнительной властью⁵⁰, тем не менее ясно, что монастыри обладали бесспорными преимуществами: они могли опираться на сложившуюся систему внутримонастырского управления. Впрочем, иногда власть обители над ее владениями осуществлялась довольно примитивными средствами. Так, устав патриарха Алексея для монастыря Успения Богородицы упоминает монахов, «сущих по селам»⁵¹. Какими-то чинами хозяйственного

⁴⁴ Как это предполагает Б. Т. Горянов («Поздневизантийский иммунитет». — ВВ, XII, 1957, стр. 116).

⁴⁵ Пира, II, 18.

⁴⁶ *πρωτοκυρατωρ τοῦ οἴκου*. — ММ, VI, р. 10 (1073). П. В. Безобразов считает, что «куратор» и «протокуратор», упоминаемые в Патмосской писцовой книге, — это одно и то же лицо («Патмосская писцовая книга...», стр. 103).

⁴⁷ Им рассылают придворные Андроника Комнина распоряжение об отмене «берегового права». — Νις. Сηοη., р. 427.9.

⁴⁸ С. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi. Venezia, v. V, 1876, р. 381, см. Н. С к а б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 249.

⁴⁹ SM, II, р. 294. 7—14.

⁵⁰ Вс. Н и к о л а е в. Феодални отношения в покорената от Византия България, отрадени в писмата на Теофилакт Охридски, архиепископ Българияски. София, 1951, стр. 178—228.

⁵¹ А. Горский и В. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., отд. III, ч. 1, стр. 266.